

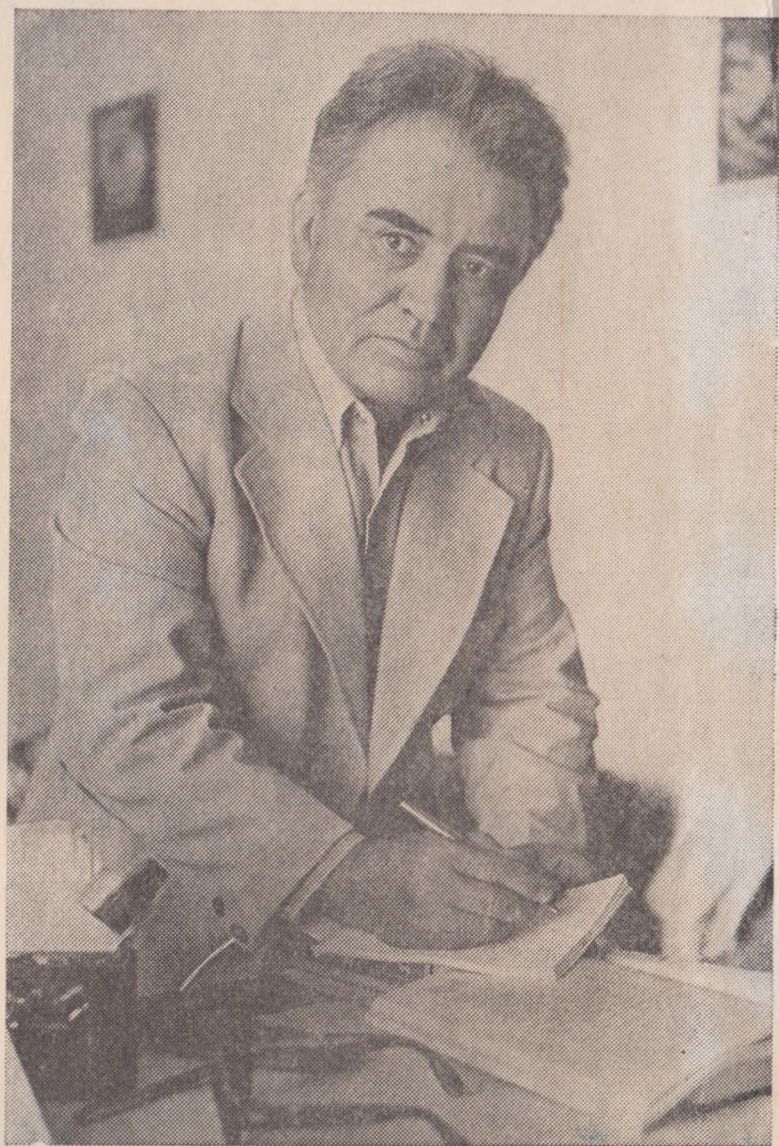
ПИРИМКУЛ КАДЫРОВ
АЛМАЗНЫЙ
ПОЯС

Kitob shu yerda ko'rsatilgan muddatdan
kechiktirilmagan holda topshirilishi shart

Ilgarigi berilmalar miqdori _____

--	--

821.512.133-31

К 13

ПИРИМКУЛ КАДЫРОВ

АЛМАЗНЫЙ ПОЯС

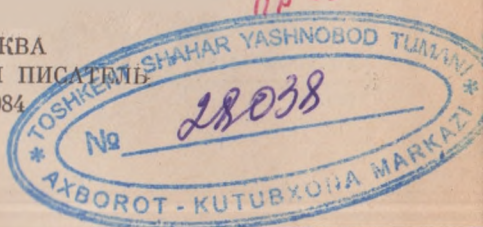

ТАШКЕНТСКИЙ
ГОРОДСКОЙ
РОМАН

Перевод с узбекского
~~Юрия Смирнова~~

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1984

С (Узб) 2

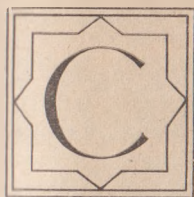
К 13

Художник МАРГАРИТА ЛОХМАНОВА

К $\frac{4702570200-113}{083(02)-84}$ 337—84

© Перевод на русский язык. Издательство
«Советский писатель», 1984 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

солнечный круг медленно выкатывался из-за Чаткальских гор.

Аброр встречал восход на балконе. С третьего этажа казалось, будто огненный диск, вернее — верхний его край, сжался, приостановился в настороженном выжидании, а потом быстрыми-быстрыми лучами-

выплесками пошел зажигать бесчисленные железные и шиферные крыши, бетонные и асфальтовые пространства громадного города, который давно уже проснулся, наполнив улицы разноцветными потоками автомашин.

На стали и стекле свет сверкает — пестерпимо глазу. И, падая на сочную зелень, растворяется в мощной кроне столетних чинар и дубов, нежно переливаясь золотисто-желтыми оттенками на цветунцях джиде; медовый ее аромат утренний ветер разнесит далеко окрест. Урючины, миндаль, персиковые деревья и яблони отцвели еще в апреле; недавние майские дожди омыли их листья, уже по-летнему темные. Высокие кусты граната сверху трудно отличить от сплетений виноградных лоз, лишь ярко-красные колокольчики гранатовых соцветий выделяются, словно вспышки раскаленных угольков, среди буйной зелени. Их алые бархатистые цветочки боятся холода и темноты; ночью, сжавшись, смыкают лепестки, а утром от прикосновения солнечных лучей снова оживают, широко раскрывая свое ярко-красное лоно навстречу свету и теплу.

Все выше над головой поднимается солнце, диск его становится все меньше и ярче. Глаза не выдерживают ослепляюще яростного полыханья огня, и приходится отойти в тень.

Всю ночь Аброр просидел над чертежом древнего канала Бозсу, что когда-то протекал вот в этих, ныне бетонно-асфальтовых просторах. А что было до канала? Две тысячи лет назад вместо зеленого оазиса была выжженная солнцем пескопчаемая степь, безводная и беспощадная.

Да, здешнее солнце щедрое, и зелень майская густа и жителна, но уже в середине мая кончаются дожди, потом неделями на небе не отыщешь ни облачка, до самой осени стоят ясные, безжалостно жаркие и сухие дни. Человек тогда ищет спасенья в тени деревьев. А деревья ждут спасенья от воды, проточной, поливной, которая ныне покорила людям.

Эта тысячелетняя взаимозависимость человека и природы стала для Аброра теперь путеводной нитью в сложном лабиринте давнего замысла.

Зеленый оазис Ташкента... Зеленая капелька жизни, зажатая некогда в степи, постепенно расширялась и превратилась наконец в море зелени... Спасенная жизнь вдвойне дорога. Каждый куст, каждое дерево словно тянется к человеку, доверяя свою судьбу, полагаясь на его добрую волю и добрый ум, разумно направляющий поток воды для спасения всего живого...

— Папа, мы опаздываем! — послышался обеспокоенный голос дочери.

Аброр, прервав свои раздумья, увидел ее уже внизу, у подъезда.

Да, пора спускаться. Он должен был отвезти жену в аэропорт, на московский рейс.

Лишь до первого перекрестка хватило сил удержать в себе то особое чувство, которое пришло к нему там, на балконе. А дальше... его подхватил и понес поток машин... Вниманье, внимание, он должен собраться с мыслями, а не то или светофор прозеваешь, или тебя зацепят, или ты кого-нибудь стукнешь... И надо поторапливаться, времени оставалось в обрез, а путь от Юнусабада¹ через центр города немалый.

Наконец миновали железнодорожный вокзал, оттуда до цели не столь далеко, благо что аэропорт ташкентский в черте города. «А мы, ташкентцы, порой из-за этого ворчим, выражаем недовольство...»

Ага, вот и железнодорожный переезд, теперь-то уж совсем рядом.

¹ Ю н у с а б а д — название северной части Ташкента.

Аброр прибавил газу, желая скорей пересечь тускло поблескивающие рельсы, но резко-тревожно замигал красным семафор, и полосатый шлагбаум неожиданно быстро — так показалось — опустился перед «жигуленком». Аброр успел тормознуть — колеса взвизгнули, машина вильнула, качнулась вперед, едва не налетев на шлагбаум.

Поезда не видно, а в железнодорожной будке пронзительно иадрывался звонок. Продолжал раздражающе мигать красным семафор.

Вазирá, сокрушенно вздохнув, взглянула на крохотные наручные часы.

— Ах, чтоб ему пронасть! Опоздаем теперь... Лучше бы через путепровод ехать!

Аброр с силой дернул за ручной тормоз. В душе кипело раздраженное нетерпение.

— Может, еще через Бешагач надо было ехать? — стязвил он, назвав дальний район города.

— Через Бешагач — нет, а если бы через улицу Руставели, наверняка бы успели. А сейчас регистрация заканчивается...

Пошел-поплыл мимо нескончаемо длинный, тяжелый поезд. Неторопливо двигались цистерны, платформы, груженные бревнами, штабелями досок, уставленные ярко-красными тракторами.

— Смотри-ка, папа, и машины! — почти выкрикнул восторженный непоседа Зафар с заднего сиденья. — Такие же, как у нас, «Жигули»!

Аброр промолчал. Малика поправила братишку:

— Не такие. Это другая марка.

— Почему? Ты-то откуда знаешь?

— У нашей машины две фары. А у тех «Жигулей» — по четыре.

Медленно проплыла еще одна открытая платформа.

— Бульдозеры! — уже забыв о «Жигулях», выкрикнул Зафар.

Вазира не отрывала глаз от платформ и красных вагонов.

— И чего это он длинный такой?.. Конца-краю не видно!

А Зафару, паверное, хотелось, чтобы поезд был еще длинней и ехал бы как можно медленней: столько интересных вещей он вез. Аброр сидел неподвижно; было видно, что он торопится.

Но вот наконец полосатый шлагбаум дрогнул и стал под-

ниматься. Вишневые «Жигули» тут же юркнули через железно-подорожное полотно... И вскоре Аброр остановил машину у самого входа в здание аэропорта.

Застекленный зал регистрации пассажиров был переполнен.

— Вещи Малика принесет!

Вазира выскочила из машины и, на бегу стараясь вытащить из сумочки билет и паспорт, устремила в зал.

Аброр нарочито спокойно высадил детей, замкнул на ключ дверцы, открыл багажник. Рядом с чемоданом там лежал длинный черный футляр. Чертежи Вазеры. Аброр взял легкий футляр за ручку и передал его Малике. Сам понес темно-коричневый кожаный чемодан. Был он не так уж и велик, но очень тяжел. Аброр уловил аромат хандаляков¹. «Без подарков не может!» — разозлился он на жену.

Они уже входили в стеклянные двери, когда откуда-то сверху раздался голос диктора: «Заканчивается посадка в самолет, вылетающий рейсом шестьсот тринадцать до Москвы. Повторяю: заканчивается...»

Вазира была в толпе, что облепила окошко регистрации и проем с круглыми весами для взвешивания багажа. Истерично выхватила у Аброра чемодан, сама втолкнула его на весы.

— Повезло, мое место осталось за мной! А места опоздавших продают тут же... Желающих ой как много было, но добрые попутчики нашли, не допустили...

Аброр огляделся. Сразу узнал высокого статного мужчину, стоявшего неподалеку у стойки спиной к ним.

— Мой билет регистрируют...

— Что, и Бахрамов летит? — голос Аброра на какой-то миг стал словно жестяным...

Было время, когда они вместе учились в институте и Аброр называл своего сверстника только по имени — Шерзод. Потом произошло много такого, из-за чего он стал называть сокурсника только по фамилии. И вот сейчас Аброр увидел в руках Шерзода паспорт Вазеры. Аброр насупился, опустил взгляд.

Когда-то этот самый Шерзод чуть не женился на Вазире. Отец Шерзода, человек с положением, солидный, сумел через своих людей даже заручиться предварительным согласи-

¹ Хандаляк — сорт рапшей дыни.

ем родителей девушки. Но не ее согласнем, нет! Аброр до сих пор не может спокойно вспоминать о тех днях: сколько пришлось им с Вазирой выпести, прежде чем удалось поменать намерениям родителей.

Вазира почувствовала настроенные мужа. Отдышалась, мирно заговорила, указывая глазами на кутившего в стороне мужчину средних лет с портфелем в руках:

— Они с Шерзодом вдвоем летят...

«Говорит, будто только что узнала...» Аброр стал еще более хмурым, прервал жену:

— Ну уж коль Бахрамов так старался сохранить за тобой место, значит, он заранее знал, что вы втроем полетите!

«Может, он и знал, да я ничего не знала,— хотела было возразить Вазира, но сдержалась.— Оправдываться? Зачем?» Глядя прямо в глаза Аброру, спросила, как отрезала:

— А это имеет значение?

Тут с паспортом и билетом Вазир в руках подошел Шерзод.

— Посадка уже закончилась, трап могут ведь и убрать... О, Аброр...

На лацкане модного светлого пиджака Шерзода поблескивала медаль лауреата республиканской премии. Недобросжатые губы Аброра приятного разговора не сулили, да и некогда было разводить церемонии. Однако Шерзод постарался придать голосу невозмутимую корректность:

— Аброр Агзамович, я приветствую вас.

Аброр сдержанно кивнул в ответ.

Вазира взяла у Шерзода свой паспорт с билетом и поспешно спрятала их в сумочку. Заторопились к выходу. До трапа московского самолета идти было довольно далеко — через центральный аэровокзал.

— Если бегом, то успеем! — энергично предложил Шерзод.

В свои сорок лет он был еще строг. Вазира невольно оккупала взглядом грузное тело мужа.

— Ну, здесь прощаемся,— сказала она и первой обняла сынишку.

Он ласково прижался к матери и успел прошептать ей на ухо:

— Привези мне самоходку, ну, так такой...

— Хорошо. А Малике, конечно, туфли на платформе?.. Малика с готовностью кивнула и тут же бросилась матери на шею:

— Мамочка, возвращайся поскорей!

Вазира забрала у дочери футляр. Подошла к Аброру, положила мужу на плечо руку с сумочкой. Аброр догадался, что жена хочет поцеловать его, и слегка наклонил голову. Вазира приподнялась, коснулась губами щеки Аброра.

— Ну, счастливо оставаться! Вечером я позвоню из Москвы. Пока...

Шерзод отвернулся. Счастливая пара! Добрая семья! Ну да ладно, еще посмотрим...

Шерзод и Вазира бросились наконец догонять мужчипу с портфелем.

Вазира поспешала уже не так легко, как в молодые годы, да и высокие каблуки заставляли ее семенить; Шерзод на бегу забрал у Вазире сумочку и футляр.

Они добежали как раз, когда аэродромная служба собиралась откатывать от борта самолета трап. Получив свою порцию упрёков, поднялись по ступенькам, проскочили в дверь.

Попутчик Шерзода сразу же сел на первое свободное место. А Шерзода с Вазирой бортироводница, видно, приняла за мужа и жену и провела их в третий салон, усадив рядом в самом хвосте самолета.

Домой Аброр возвращался взбудораженный и разозленный донельзя. То прибавлял скорость, то резко тормозил, на поворотах машину заносило и раскачивало. Испуганные Малика и Зафар, прижавшись друг к другу на заднем сиденье, молча следили за отцом.

У Аброра все еще стояла в глазах недавняя картина: бегущие рядом к самолету Шерзод Бахрамов и Вазира.

Ну и ловкач этот Шерзод! Сначала оформлял билет, мусолил в руках паспорт Вазире, а потом вообще забрал ее сумочку. Аброр и дергался, и цепенел, как человек, под чью рубашку заползла оса. Вот-вот укусит... Разумеется, в самолете незнакомые люди будут принимать Вазире за жену элегантного Шерзода. Оса под рубашкой нещадно ужалила Аброра, и на миг он просто забыл, что сидит за рулем стремительно едущей машины. Перед ним у очередного перекрестка вспых-

нул желтый свет. Аброр сплывшей нажал на газ. Повенская «Волга» с белоснежными складчатыми шторками по заднему стеклу пронеслась перед самым посом «Жигулей». Она имела право проинзительно просигнализировать: дорога была ее, «Жигулям» следовало переждать. Сработал псеведомо какой рефлекс,— Аброр успел сбавить скорость, иначе... Стало вдруг страшно. За детей...

Аброр попытался взять себя в руки, провел языком по пересохшему нёбу, ладонь положил на грудь, на сердце, готовое, кажется, вот-вот выскочить наружу, рывком расстегнул ворот рубашки. «Хорошо еще, милиционера на перекрестке не оказалось»,— постарался успокоить он себя. На минуту придержал машину у тротуара, после того как остался позади чертов перекресток.

Перед следующим перекрестком Аброр тихо остановил машину, обернулся к детям:

— Сейчас отвезу вас домой, а сам поеду на работу.— Порылся в кармане, достал зубчатый ключ и протянул его дочери: — Малика, за дверь отвечаешь ты.

— Но ведь и мне скоро в школу, папа.

— Когда будешь уходить, ключ оставишь Зафару.

Мальчик обрадовался:

— Конечно, я ведь во вторую смену.

— А если я вернусь, ты еще не придеешь домой, где я тогда ключ возьму? — спросила девочка.

Зафар педоуменно замолк.

Включился зеленый свет. Аброр быстро тронул машину с места и, не отрывая взгляда от дороги, бросил:

— Ключ, Зафар, не забудь соседям оставить.

— Вот правильно... Ладно, папа.

— Малика, в холодильнике вчерашний шлов. Разогрей, и поешьте перед школой.

— Папа, а можно я себе потом яичницу сделаю? — Зафару хотелось быть взрослым, самостоятельным.

— Сам? Нет, к плите не подходи. Если Малика вернется пораньше, она тебе и пожарит.

Аброр старался отвлечь себя разговором о предстоящих детям заботах, сосредоточить внимание на дороге, но оса изпод рубашки все еще не вылетала. Попятно, он злится зря, из-за пустяка, ведет себя глупо, недостойно,— подумаешь, Шерзод побегал вместе с женой, помог ей оформить билет... А Вазира при прощании так доверчиво и нежно прикоснулась к щеке мужа, к его собственной щеке, черт возьми, а не

щеке Шерзода, а если и посмотрела на него, на Аброра-муженька, строго, так иначе и не могло быть, коли муженек напыжился при виде старого соперника, словно индюк. Ему надо было вести себя спокойно, с достоинством, ведь не зеленый же он юнец, в конце концов, — сорокалетний, да и с Вазирой пятнадцать лет прожили, воп, дети уже какие, даже стыдно перед ними за глупую, недостойную ревность!

Но что тут поделаешь, ежели проклятуя эта оса угнездилась в каких-то труднодоступных извилинах мозга, в темных уголках души? Он вроде матрешки — сидят в нем, скрываются друг в друге несколько разных Аброров. И один из них, самый, может, изначальный (из первобытных генов!), укрылся и жалит другого Аброра. «Не муж, а тряпка... спешил, дуралей, гнал машину... для чего? А чтоб вручить свою драгоценную па попечение соперника... дал ему отличный шанс для реванша». В прежней, довоенной ташкентской махалле¹ такого мужа настоящие мужчины выгнали бы из своего круга как недостойного! В прежней... На старом Востоке мужчина, что и говорить, возомнил о себе неведь что — женщина соглашалась веками сидеть во внутренней, закрытой для чужих глаз части дома, а когда выходила на улицу, то с головы до пят закрывалась паранджой. Мало того, даже голоса ее не должен был слышать чужой мужчина. Считалось, что тот может насладиться если не ее красотой, то нежностью голоса, а отдать хотя бы капельку нежности другому — значит, нарушить обет верности.

Тьфу ты, наваждение! Уж к нему-то, Аброру, к его семье эдакое никак не относится... А вот поди-ка, внутри матрешки жил, оказывается, еще и старый, «восточный» Аброр. Вековой инстинкт... гены? Пусть так, но его жена должна быть безукоризненно честной, преданной. И чтоб никто не имел никакого, ни малейшего повода в том усомниться!

А Вазира летит сейчас в Москву вместе с Шерзодом, который (Аброр это знал наверняка) сделает все для того, чтобы поселиться с Вазирой в одной гостинице, повести ее в ресторан, в театр... Ну и что? Вазира может постоять за себя. Он верит ей! Но оса все жалила и жалила... Шерзод хитер, опытен, и сколько возможностей теперь у него будет, чтобы одержать победу над ним, над Аброром!

Растрепанный, въехал он во двор своего пятиэтажного

¹ Махалля — район, квартал.

кирпичного дома, «шедевра архитектурной мысли», как горько шутил подчас. А двор-то — еще лучше! Обломанные деревья, перекопанный, развороченный траншеями и ямами центр двора, громоздящиеся по его краям кучи земли, клубы пыли вокруг гигантов самосвалов. «Вот оно, лицо Шерзода без маски...» — подумал Аброр.

Два года назад Вазира могла еще добиться, чтобы Аброр, забыв давнее, пошел к Шерзоду, однокашнику, решать деликатный вопрос, который касался благоустройства целого жилого квартала. Это сейчас она и на аркане не смогла бы затащить Аброра в роли просителя в ответственный кабинет товарища Бахрамова. Но два года назад... Аброр подумал, что давнишнее соперничество безвозвратно ушло в прошлое, тем более что Шерзод женился на дочери министра и теперь сам стал солидным начальником, имеющим веский голос в делах коммунального городского строительства.

Живо припомнилось, как важно Шерзод сидел тогда в глубине просторного кабинета за большим столом с четырьмя телефонами. Перед ним, явно робея, двое проектировщиков разворачивали только что вычерченные эскизы. Шерзод, недовольный тем, что кто-то без доклада открыл дверь, хмуро глянул на вошедшего. Но, увидев Аброра, заулыбался, повернулся в удобное кресле, поднялся из него и шагнул навстречу. Одновременно — удивительное дело! — на лице его сохранилось и пренебрежение к подчиненным.

— Как освобожусь, вызову, — буркнул им Шерзод, пожимая руку Аброру.

Проектировщики забрали со стола чертежи, вышли из кабинета. К креслу Шерзод не вернулся. Он усадил Аброра по одну сторону приставного столика, а сам сел по другую.

«Принимает по всем правилам. Начальник!» — мысленно усмехнулся Аброр. Велух сказал:

— Вот пришел, по делам нашей махалли...

— Ты... по делам махалли? — недоверчиво переспросил Шерзод.

Аброр стал объяснять, что их микрорайон построен на месте старой махалли. Прежние жители из глинобитных домиков переселились в современные дома. Но люди эти испокон веков привыкли к чистому воздуху, к жизни во дворе. Вот они и в новом микрорайоне стали устанавливать в общественных местах, стелить на них одеяла и отдыхать в тени деревьев. Во дворах, бывает, и шумные свадьбы играют,

празднества справляют, как всегда многолюдные, с карнаями¹ и сурнаями², с грохотом бубнов.

— ...А для новых микрорайонов,— вставил Шерзод,— все эти карнаи и сурнаи не совсем уместны, так?

— Ну, я бы так не сказал. Разве старые махалли не были, по сути, своеобразными микрорайонами своего времени?

— Были, разумеется... Но лучшие старые обычаи похоронить под снесенными глинобитными стенами мазанок. Разве ты иначе думаешь?

— Плохие обычаи... да, их надо бы похоронить. Но ведь есть и хорошие. Я лично люблю бас карная. Напевы сурная, ритмы дойры³ — все это, по-моему, очень подходит Ташкенту. Где еще такое услышишь? А неповторимость звуков и красок... разве ими не должны мы дорожить? — в тон Шерзоду спросил Абзор.

— Да какая там неповторимость? Каждый летний день десятки свадеб во всех концах города. В ход идут микрофоны. Карнаи режут — стекла дрожат. В Ташкенте и без них шуму хватает. Будь в моей власти, я бы эти карнаи просто запретил в больших городах!

— Ну да, я и забыл, ты ведь еще в студенческие годы увлекался джазом.

— Увлекался, а что? Сейчас вот весь мир увлекается поп-музыкой...

— Но зачем весь мир-то унифицировать под джаз или поп-музыку? Пусть там — джаз, здесь — карнай и сурнай, пусть — каждому свое.

— Да ладно, хватит об этом. Я тебя слушаю... давай по делу.

Абзор снова стал говорить, что его дело-то и состоит в том, чтоб их микрорайон приобрел своеобразие. Архитектурные шедевры — коробки — уже возведены, тут ничего, как говорится, не попишешь. Но общий двор можно еще решить более интересно. Сухие бетонные лотки, по которым не текла вода, со двора уже убрали. Сделали небольшие арыки с живыми зелеными берегами. Рассадил по двору цветы и деревья, этакий традиционный для восточного землеустройства чорбог — «четыре сада». В определенной его точке — клум-

¹ Карнай — национальный музыкальный инструмент, большая длинная медная труба.

² Сурнай — духовой инструмент, несколько напоминающий флейту.

³ Дойра — вид бубна.

бы с четырьмя разновидностями цветов. На краях взметнулись тенистые деревья — пирамидальные тополя и чинары: двор-то немалый по площади. Пашлось в нем место, как велит обычай, и для фруктовых — черешни, персика, айвы. И в середине спортплощадка — там дети резвятся целый день. И все это было сделано методом хашара — своего рода субботник древности, когда бескорыстно, безвозмездно вся махалля благоустраивает общий двор, или, как шутя сказал Аброр, — «хашарили».

— Все? — на лице Шерзода изобразилось вежливое удивление.

«Не все, увы, не все». Были, конечно, и такие, кто не признает никакого хашара, закроется в своей квартире и живет так, что даже соседей по лестничной клетке знать не хочет... Но большинство жителей привыкли в нашем сухом и жарком климате проводить свободные часы во дворе, под открытым небом, опи-то и работали сообща.

— Да, — еще добавил Аброр, — в прежней махалле был свой знаменитый хлебопек — отличные умел делать лепешки, и тандыр¹ его славился. Землетрясением его хозяйство было разрушено, хлебопек сменил профессию, сел за баранку поливомоечной машины. А как только в новом-то дворе соорудили тандыр, пынешний водитель «поливалки» тут как тут, занимается теперь хлебопечением по совместительству...

— Чего ты мне без конца ваш двор расписываешь? — перебил его Шерзод.

— Потому что сейчас весь этот двор — и чорбог, и площадка, и помосты, и тандыр — под угрозой.

— Это еще почему? Кто тебе сказал?

— Кооперативщики... Они хотят в нашем дворе построить еще один свой шедевр. И это не проекты. Уже бурлили шурфы во дворе, образцы грунта брали. Я стал выяснять, вот питочка и привела меня к тебе.

Шерзод сосредоточенно потер лоб.

— Точно?.. Ну что ж, давай проверим.

Он встал из-за маленького столика, зашел за свой рабочий стол, выдвинул один из ящичков. Порылся в нем, извлек план микрорайона, где жил Аброр. Развернул. Быстро прочитал большой розоватый план-скатерть, обвел пальцем кружок на нем.

¹ Т а н д ы р — небольшая глиняная печь в виде вертикально поставленного конуса для выпечки лепешек.

— Ага... понятно... вот здесь, между этими тремя пятиэтажными домами, в самом деле много свободной земли.

Зазвонил телефон. Аброр глянул на красного, черного, голубого и стального цвета аппараты, по который из них звонит — не разобрал. Шерзод различал их по «голосам», сразу поднял голубую трубку.

— Перезвоните минут через десять, — приглушенно сказал он, положил трубку на место. Обернулся к Аброру. — Понимаешь, прежние проектировщики в суматохе после землетрясения не особенно задумывались об экономии земли под застройку... — Вряд ли это было справедливо, но Аброр промолчал. — Город, таким образом, растянули на огромную площадь. Теперь мы по возможности сокращаем интервалы между зданиями. Сейчас каждая пядь городской территории, как говорится, на вес золота. На этот счет, сам знаешь, вышло специальное постановление. Так что приходится... уплотнять.

— Уплотнять надо, но с умом, — не вытерпел Аброр. — Учитывая и другие постановления. Надо строить так, чтобы в каждом общественном дворе были площадки для зелени, для детей, для спорта... Теперь куда нам их девать?

— Они... останутся. Двор-то у вас во-о-он какой! Кооперативный домик займет только часть двора.

— Да какую там часть? Вот посмотри расчеты — я прикинул.

На листочке, извлеченном Аброром из внутреннего кармана пиджака, было точно указано, сколько места займет сам новый дом, сколько площади двора окажется под колесами машин и строительных механизмов, уйдет на коммуникации подземные и наземные.

— Да, невеселая картина, — вынужден был признать Шерзод и не удержался — в сердцах ругнул своего предшественника, главу учреждения, в котором было столько разноцветных телефонов. — Чем они только в свое время думали, бедотелы?! А теперь вот мучайся, ломай голову. Нет ничего хуже, чем чужие ошибки исправлять!

— Исправить их можно, Шерзод. Я готов тебе показать, где в микрорайоне можно кооперативный дом поставить.

Шерзод склонился над плапом-скатертью:

— А ну, покажи.

Аброр взял со стола карандаш, показал.

— Вдоль магистра-а-а, — протянул Шерзод разочарованно. — Кооператив не согласится.

— Почему?

— Шумно очень. А кооператив государству наличными платит. Сейчас кооперативам во всем идут навстречу.

— Создавать удобства одним ценой неудобств других?

— Вообще-то говоря... ты прав... Примерно... Я-то был бы не против... Но...

Еще в студенческие годы Шерзод очень часто вставлял в свою речь «вообще-то говоря» и «примерно». Аброр вспомнил об этом, по-товарищески усмехнулся:

— Давай, Шерзод, побоку стародавнее «вообще-то говоря», а? Мы же с тобой сами с усами, как-никак специалисты. Оба мы понимаем: будет вопиюще неверно, и по-человечески, и по архитектурному говоря, — Аброр чуть не засмеялся, — если дом этот окажется посреди нашего общего двора. Так ведь?

— Примерно...

— А раз так, тебе по плечу предотвратить ошибку. Доводов достаточно. А дом кооперативный найдем где поставить — не обидим их, не бойся.

— А проект готовый пересматривать, привязку менять — разве это легко?

— Понимаю, и без того у тебя забот полон рот. Поэтому я пришел специально. Пропу от имени всей махалли. Вазира меня уверяла, что только ты спасешь наши деревья, наш чорбог, наш уют. (Сколько раз потом Аброр казнил себя за это упоминание имени Вазиры!)

— Ну, уж я от роли спасителя не в силах отказаться. Постараемся убрать от вас кооперативный дом...

— Не «примерно», не «вообще говоря»? — шутливо спросил Аброр.

Шерзод тоже заулыбался:

— Нет, точно.

— Значит, по другим инстанциям могу не ходить?

— Зачем? Если не осилю этого вопроса, тогда дам знать, вместе пойдем.

Обменялись сокурсники крепким мужским рукопожатием, и Аброру подумалось, что отношения их теперь будут безоблачными, что когда-нибудь позовет он Шерзода с женой, министерской дочкой, к себе домой в гости.

Прошло с того дня лето, минула осень, пролетела зима.

Выкопанные во дворе траншеи завалили, разговоры о строительстве дома вроде бы сошли на нет. «Молодец, Шерзод, сдержал-таки свое слово!» — думал Аброр.

Но прошлой весной, когда листва на деревьях только начала распускаться, Аброр увидел однажды, как в их дворе, оглушительно гудя мотором, деловито трудится экскаватор. От игровой площадки — он и сам иногда в редкие часы отдыха становился рядом с молодыми под волейбольную сетку — следа не осталось, там котлован глубиной уже в человеческий рост. Одна из траншей почти добралась до тапдыра, земля из-под его основания осыпалась, и законченная печь беспомощно накренилась, готовая рухнуть. Неподдалеку, в саду-чорбоге строители подготавливали место для установки подъемного крана, — бедная трава, бедные деревья! Рельсы под кран хотели проложить там, где в этом году впервые должны были дать плоды черешня и айва.

Рабочий в брезентовой спецовке уже взял в руки топор, направился к деревьям, но его остановил подбежавший жилец.

— Эй, погоди, погоди!.. Я член домкома, слышишь? Мы столько труда положили, чтобы деревца прижились, зазеленели, а ты их рубить собрался...

— Интересные люди! Кто же это разбивает сады на строительной площадке?

— Закончилось строительство, понимаешь? Откуда вы тут взялись? — Член домкома оглянулся, заметил Аброра, махнул рукой в его сторону. — Вот он пускай подтвердит... Аброр-ака, вы же связывались с тем учреждением. Говорили: «Убедил я их». Мы вам поверили и успокоились. А что же получается?!

— Урипбай-ака, меня твердо заверяли...

— Так бегите поскорей к тому, кто заверял, пусть он остановит несправедливость, пусть топор отведет.

Аброр видел, насколько далеко зашла подготовительная работа и каким быстрым темпом она вдруг пошла — ее теперь не остановишь. Тем не менее поднялся к себе на третий этаж и сразу позвонил Шерзоду в управление. Никто не ответил. Аброр разыскал по справочнику номер домашнего телефона Шерзода. Звонок оторвал Бахрамова от хорошо приготовленного плова, и плов этот, как тут же заявил Шерзод «уважаемому Аброру Агзамовичу», хозяину приятно было бы с ним, уважаемым, разделить.

Аброр рассказал о случившемся. Шерзод сначала помол-

чал, пытаюсь удалить языком застрявшие меж зубов кусочки мяса.

— Вот тебе и раз, неужели?.. произнес он наконец. — Ну и ну!.. А я-то всю зиму, вообще говоря, тормозил это дело! И надо же, уехал в отпуск, а заместитель мой дал делу ход... Ну да ты знаешь этих пайщиков, люди наличными платят...

— Но почему ты раньше мне ничего не сказал? Я бы мог пойти в другие инстанции! Ты ведь тоже хотел действовать...

— Толку не было бы. Проект прошел утверждение в верхах.

— Но ведь и «верхам» можно было разъяснить положение, они же тебе поручили строительные дела.

— Не получилось, не получилось... Теперь ничего уже изменить нельзя. Вмешались люди, с которыми шутки шутить не стоит.

— И среди этих людей твой свояк?

— Какой свояк?

— Тот, кому нужна в этом доме трехкомнатная квартира!

— Я бы не советовал вам, товарищ Агзамов... ставить вопрос таким образом. Если мой свояк и получит квартиру, то на вполне законных основаниях.

— Законы ты хорошо знаешь. Но вот порядочности у тебя нет. И чувство товарищества тоже. Оказывается, верить тебе — все равно что болото за твердый асфальт принять!

Несколько дней подряд Аброр и Уринбай-ака тревожили различные организации, имеющие отношение к новой стройке. Их выслушивали, но... время оказалось безнадежно упущенным, а произведенные затраты слишком велики.

Железная машина крана продолжала деловито урчать, в определенные промежутки времени оглашая двор напряженным пронзительным звоном. Невредимыми остались деревья, высаженные людьми под самыми балконами, все остальное пространство двора, обнесенное высоким деревянным забором, теперь превратилось в пыльную строительную площадку, где грохотали бульдозеры и самосвалы...

И до этого случая жизнь сталкивала Аброра с Шерзодом. Группа архитекторов, спроектировавших новые ташкентские кварталы, была выдвинута на соискание республиканской премии. В первоначальном списке кандидатов Аброр был. В печати лестно упоминалось и его имя, что, конечно, поднимало настроение. Был в списке и молодой архитектор Ха-

там Юлдашев. Потом предварительный список начал расти, однажды Аброр обнаружил в нем фамилию Бахрамова. А когда решили список соискателей выстроить в алфавитном порядке, Бахрамов вошел в первую тройку, а Юлдашев стал замыкающим.

Аброр, как член институтского совета, готовил документы и характеристики кандидатов. Характер «уточнений» ему не нравился, но окончательно все стало ясно, когда директор института (он же и руководитель совета) однажды сообщил, что по положению на одну премию можно выдвинуть группу только из шести человек. А седьмым по списку числится Юлдашев, он, мол, еще молод, всего тридцать четыре, оставим на следующий раз, у него все впереди, ну и так далее. Эти слова директор произносил, как показалось Аброру, при гробовом молчании членов совета. Но стоило директору кончить, и молчание поспешил нарушить сторонник Шерзода Бахрамова. Он, конечно, поддержал предложение, а потом снова наступило тягостное безмолвие. Директор жестко спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Аброр поерзал на стуле, уперся взглядом в пол. Он молчал и чувствовал себя при этом последним человеком, малодушным, алчным, бессовестным. Как много сил, энергии, таланта отдал Хатам Юлдашев этому проекту, выдвинутому на премию! По сути, это ведь он, Юлдашев, был мотором всей их рабочей группы, его обойдут, а Шерзод Бахрамов, не сделавший и десятой доли...

Словно издалека Аброр услышал голос директора.

— Ну, если нет других предложений...

Презрение к себе стало непереносимым, удушающим. Аброр поднял руку и глухо произнес:

— Юлдашева предлагаю оставить... Мне пеловко это говорить. Но другие почему-то молчат, тогда я должен сказать...

И Аброр стал говорить об огромном вкладе Юлдашева в их общую работу, о его идеях, истинно творческих, а вот товарищ Бахрамов... многие ведь знают, что Шерзод почти отвык работать как зодчий... долгими часами склоняться над чертежной доской, днем и ночью искать новые решения — на это ему не хватает ни времени, ни выдержки, ни, прямо сказать, способностей. Он больше любит сидеть за столом с разноцветными телефонными аппаратами, посредством которых

поддерживает «нужные контакты». И за это — в первую авторскую тройку?

— Мне стыдно... Предлагаю вместо Шерзода Бахрамова поставить Хатама Юлдашева.

Самого Шерзода на заседании совета не было — он уже тогда работал в другом учреждении, рангом повыше. Но на защиту Шерзода поднялся сам директор. Иронически взглянув на Аброра, директор заметил:

— Быть самоотверженным по отношению к нашему коллеге Юлдашеву похвально. Но товарищ Аброр Агзамов хочет доставать каштаны из огня чужими руками: он проявляет самоотверженность за счет Шерзода Исламовича Бахрамова...

Аброр понял, что, сказав о творческой немощи Бахрамова, он нечаянно задел и своего директора, который тоже давно не держал в руке чертежных инструментов. Выдвигал идеи, а потом становился во главе «коллектива авторов».

— Сайфулла Рахманович, я говорю не только о технических решениях — не помню случая, чтобы Бахрамов подавал нашему авторскому коллективу и оригинальные идеи, хотя бы в общей форме...

— Нет, нет, товарищ Агзамов, вы все-таки припомните пословицу: «Ножом ударь сперва себя и, если не будет больно, ударь другого».

Ах, так!.. А молчаливые коллеги, видимо, и в этом согласны с директором? Аброр вспыхнул:

— Хорошо. Если товарищи считают необходимым выдвинуть Юлдашева вместо меня, то я буду только рад за него...

До сих пор он помнит, что от этих слов не испытал тогда никакой радости. Через минуту-другую почувствовал обжигающую боль. Не из-за премии, нет. (И Юлдашев, и Бахрамов получили-таки премию, а Аброр по своей воле ее лишился.) Не столько из-за потери премии было ему больно и досадно. Больше оттого, что необдуманным своим выступлением проиграл еще одно сражение с Шерзодом Бахрамовым.

Шерзод и его сторонники до сих пор при всяком удобном случае напоминают Аброру — то косвенно, а то и прямо, — мол, помни пословицу: кто роет яму другому, сам туда попадает...

Сегодня в аэропорту Аброр не мог не увидеть лауреатской медали на пиджаке Шерзода. Предполагал, видно, Бахрамов, что встретится с ним, с Аброром. Не без умысла на-

цепил медаль, не без умысла. Вызвать растерянность и зависть у Аброра — это у Шерзода со студенческих лет заветное желание. Со студенческих лет, когда Аброр и Шерзод частенько сражались за шахматной доской и когда каждый неудачный ход Аброра вызывал радость соперника, почти неприличную.

Ну, а он сам, Аброр, совсем чист в отношении своем к Шерзоду? Не завидует ли однокласснику? Иногда Аброра даже удивляло постоянство того душевного напряжения, с которым он следит за Шерзодом. Чуть только зарубцевалась ранка, нанесенная бахрамовскими притязаниями на Вазиру, — так эта история с премией! Притупилась и эта боль — так на тебе, будто назло, около дома, можно сказать — под носом, развернулась эта стройка кооперативного дома!

Чисто и просторно было во дворе раньше. А сейчас «Жигули» у подъезда не поставишь. Домой приходится добираться через горы земли, груды булыжника, с осторожностью шествуя вдоль деревянного забора.

— Зафар, не вздумай на самокате по улице разъезжать!

— А где же мне кататься? — спрашивает Зафар, вылезая из машины и недовольным взглядом окидывая деревянный забор. — Здесь стройка...

— А тротуар?

Дети привыкли к простору двора, им, конечно, тесно на этой полоске грязного асфальта между стеной дома и высоченным деревянным забором. Но Зафар покорно соглашается:

— Хорошо, папа... До свидания!

Аброр взглянул на часы — он уже опаздывает на работу — и поспешно отъехал. Асфальтовая дорожка, огибая дом, выводила к магистрали. Но за углом, поперек дорожки, стал землеройный трактор — готовили траншею под водопровод. Аброр дал задний ход, собираясь объехать дом с другой стороны, но тут из-за деревянного забора, натужно урча, вылез тяжелогруженный самосвал. В его кузове горой-копусом возвышался свежевывутый грунт, из-под колес летели комки глины. Увесистый ком ударил в капот «Жигулей», брызгами запачкал лобовое стекло. Аброр затормозил, стал осторожно вылезать из кабины — не ругаться с водителем самосвала (тот уже удалялся, устилая за собой путь песком и глиной), а просто очистить стекло от этого «бахрамовского опшметка», как выругался он в сердцах. И снова ожило

перед глазами недавнее: бегущие к самолету, совсем рядом — Вазира и Бахрамов... Снова в душе колыхнулась давняя гнетущая злость...

ГЛАВА ВТОРАЯ

амолет летел над плотными слоями облаков, в совершенно чистом, залитом ослепительным солнечным сиянием небе.

Было покойно и приятно.

Откинули укрепленные на спинках кресел столики, приступили к завтраку, поданному на легких голубоватых подносах.

Шерзод, стараясь не задеть соседку, протянул руку за пластмассовым стаканчиком с чаем. Вазира заметила, как на безымянном пальце его руки блеснуло обручальное кольцо.

Курица была мягкой, рис хорошо проваренный. Вазира сказала:

— Неплохо, правда? Во всяком случае, Аэрофлот кормит вкусней, чем иные рестораны. Или это мне только кажется?..

— Да нет, вы правы. Мне тоже нравится. — Шерзод готов был поддержать разговор о еде.

— А вот чай похуже, верпо?

— Вообще-то говоря... да, — согласился Шерзод и тут же рассмеялся. «Вообще-то говоря». Вообще-то говоря, он бы хотел перевести беседу в другое русло.

Белозубая улыбка очень шла Шерзоду, молодила его. Правда, над висками волосы темного поредели, да и под глазами появилось немало морщин. Брови тоже утратили былую мягкость, заметно отросли и погрубели.

Вазира не успела отвести взгляд — Шерзод перехватил его. Чувство приятной успокоенности, естественности оставило их. Вазира ела курицу совсем бесшумно. Шерзод сначала допил чай, потом тоже взялся за курицу.

— А в самом деле — ничего!..

— Вы помните, Шерзод, как на Чимгане мы делали шашлык из куропаток?

— Где? — Шерзод повернулся в кресле, насколько позво-

лял это сделать столик, прямо взглянул в сверкающие черные глаза Вазиры.

— А у Двенадцати ключей! Я-то вот помню.

«Не меня, Аброра помнит», — подумал Шерзод. Ведь это Аброр тогда настрелял горных куропаток-кекликов, а шашлык ели все, и все от души хваливали охотника и повара.

— Знаем, знаем, — усмехнулся Шерзод, — ваш супруг из удачливых охотников.

Прозрачный намек на былое соперничество за нее, Вазиру? Аброр оказался победителем. Но почему же Шерзод улыбнулся так снисходительно? Дело далекого прошлого, не таких, мол, красавиц потом видели?

Вазира почувствовала, что вот-вот начнется тот серьезный разговор, которого опасалась и от которого, как она понимала женским чутьем, уйти было нельзя.

Самолет мягко и незаметно сделал вираж; яркий луч солнечного света из иллюминатора сдвинулся к креслам и упал на лацкан пиджака Шерзода. Лауреатская медаль отразила его, и луч жарко стрельнул в глаза Вазиры... Снисходительный тон — скажи пожалуйста... Да ее Аброр тоже мог бы стать лауреатом, не выступи в защиту Юлдашева так благородно и так... неуместно.

Вазира тщательно вытерла руки салфеткой. Повернулась снова к собеседнику.

— Но зато вы оказались в числе удачливых лауреатов!

— Ваш муж хотел лишить меня и этого.

— Потому и был наказан судьбой. Нет, кроме шуток, я считаю, что в той деликатной ситуации Аброр повел себя не вполне тактично. Я ему говорила об этом.

Будто в доказательство искренности своих слов, Вазира протянула руку к Шерзоду и тронула его лауреатский значок. Приятно, что тут скрывать, приятны были ему и слова ее, и нежное прикосновение.

— Я восхищен вашей независимостью, Вазира! Право же, Аброр еще должен до вас дорасти.

Вазира чувствовала, как настойчиво Шерзод отделяет ее в разговорах от мужа. И тем настойчивее, чем дальше уносил ее от Аброра самолет. Ей почему-то стало боязно.

— Кое в чем и я должна дорасти до него.

— Я так не думаю... А все-таки, примерно, в чем?

Вазира ответила не сразу.

— В совестливости. В умении болеть душой за других...

Ведь Юлдашев получил тогда премию только благодаря Аброру...

— Да, как в газетах пишут, самоотверженный герой нашего времени. В самоотверженности, вообще говоря, ему не откажешь.

Шерзод произнес свою колкость так высокопарно-иронично, что видно было, сколь высоко он ставил себя по сравнению с Аброром.

— Вам бы, Шерзод, не мешало занять хотя бы частичку его самоотверженности.

— Не очень-то помогает она в деле. Даже в борьбе за добрую, гуманную цель.

— Вы не правы, и жизнь это уже доказала.

— В чем конкретно?

— Тот кооперативный дом... помните... Несправедливо, да и плохо, безграмотно поставили его. Аброр очень надеялся на вас.

— Надеяться легко, — пожал плечами Шерзод.

Во что бы ему эта безоглядная решительность и настойчивость обошлась? Со столькими людьми пришлось бы в жаркие споры вступать, кое с кем схватиться не на шутку. Да и в чью-то немилость попасть. Из-за чего, вообще-то говоря? «И что мне такое хорошее сделал Аброр, чтобы я, оправдывая его надежду, опрометчиво ринулся в огонь?»

Шерзод не сказал всего этого, но по лицу его Вазира уловила мысленно произнесенное. «В самом деле, в каком долгу он перед Аброром?» — подумалось и ей.

Стюардесса собрала подносы.

Откидной столик — теперь на место, в прорезь мешка на спинке переднего кресла; свое кресло откинуть назад, самому расслабиться, чуть вытянуть ноги.

Покойно и приятно.

— Поверьте, Вазира, — голос Шерзода звучал мягко, убеждающе, — я всеми этими обидами по поводу жилищного строительства сыт по горло. Им конца-краю не будет. Никогда. Для кого-то делаешь добро, по тем самым кому-то другому причиняешь зло... Потому-то я сейчас на другую работу и перешел.

— Да, я слышала, вы получили повышение. Поздравляю!

— Спасибо, Вазира!.. Только я ведь не из-за должности... Вы знаете, конечно, что землетрясение вывело из строя всю прежнюю систему водоснабжения Ташкента.

— Так уж всю? Земля разверзлась и все арыки поглотила?

Арыки не арыки, но, по мнению Шерзода, лучше осваивать безводную степь, нежели благоустраивать большой город. Что степь! Чистый лист бумаги, на котором пиши или рисуй что хочешь. А чтобы перестроить коммуникации большого города, падо сначала — да, не иначе! — разрушить старое до основания. Тут под землей целый мир: реки холодной и горячей воды, газ, канализация, электрокабели. Чтобы заново все переоборудовать, весь город на поверхности вдоль и поперек перероешь... А эти старые арыки! Пусти в них воду, так она сразу и в свежееотрытые траншеи норовит. Вода проникает под новые дома, фундаменты начинают давать осадку сверх нормы. Аварии, скандалы... Представьте себе: каналы Бозсу, Салар, Бурджар, Кукчинский канал, Карасу, Жанггох, Чорсу, Ботирма, Кайирма, Ялангач. А еще Таларык, Румол-арык, Гурунч-арык¹.

— Диковинные названия, я их все и не знала, — удивилась Вазира.

О, есть арыки с еще более потешными названиями... В той стороне, где лежит канал Карасу, есть арык, который называется Пулемас, — значит, не требующий денег. Шерзод подсчитал, во сколько примерно обойдется бетоширование его русла, и оказалось — около миллиона рублей! Вот тебе и Пулемас — эдакую прорву денег слопать готов! А тех средств, которые выделяет горсовет, и на закваску для теста не хватит, не то что на пироги. Поэтому он, Шерзод, и обратился за помощью к богатым родственникам — в Министерство водного хозяйства («Вон впереди сидит наш попутчик с портфелем... он и есть один из богатых родственников»).

Рассказывал Шерзод заимательно, и слушать его было интересно. Временами Шерзод заглядывал в глаза Вазиры, не переставая дивиться, какие они у нее угольно-черные. А ресницы? Как и раньше, в годы студенческие, — густые и нежные, и брови шелковистые. Смотреть на Вазиру, будто исподтишка изучать ее лицо было для Шерзода томительным, но и непреодолимо влекущим удовольствием. Завоевать душевное ее расположение, а не просто приударить за миловидной женщиной — вот чего ему хотелось.

¹ Карасу — черная вода; жанггох — поле битвы; кукча — синенький; ботирма — могущий утонить; кайирма — извилистый; гурунч — рисовый; тал — ива; румол — платок и т. п.

— Вообще говоря, хапум, тяжелый это труд — поддерживать систему орошения. Ведь есть же края, где когда пужно идут дожди, где сам бог круглое лето дает влагу всему зеленому, всему растущему. А тут без рукотворных каналов ничего не вырастет! Да к тому же — выкопал канал, выкопал прык, и мучайся потом с ними, ухаживай как за капризницей какой-нибудь.

— Зато у нас и накопился тысячелетний опыт в этом. — Вазира улыбнулась. — Как мой муж любит говорить, опираться, опираться нужно на живые традиции народа... Сейчас много говорят о ландшафтной архитектуре. Она ведь тоже — народное творчество, вы не находите?

Шерзоду показалось, что Вазира опять нарочно помянула Аброра. Говорить с этой женщиной было приятно, однако неспокойно.

— Ваш муж тем самым доказывает... можно сказать откровенно? Не обидитесь?

— Нет, нет, пожалуйста, скажите!

— Доказывает тем самым... свою ограниченность, свой консерватизм! Он застрял в узких рамках национальных традиций...

— Как вы умеете перегибать палку, Шерзод! И какой вы, оказывается, злой!

— Вазира, вы же дали слово не обижаться.

— Да, но Аброр совсем не заслужил таких обвинений.

— Заслужил, заслужил... Я знаю, ваш муж защищал диссертацию по ландшафтной архитектуре, он добивается, чтобы ему дали кафедру ландшафтной архитектуры. Ходил даже в министерство с таким предложением... И опять почему-то меня приплетал к фактам — не буду скрывать, и такое случается! — неразумного, торопливого «покорения природы».

Вазира вновь ощутила, какой опасный поворот приобретает их разговор.

— Кто вам такое сказал, Шерзод? Неужели вы думаете, что Аброр за вашей спиной...

— Ханум, я ничего плохого не думаю, я говорю только о фактах.

«В конце концов эти постоянные стычки Аброра с Шерзодом мне надоели», — подумала Вазира. И мужу и ей они приносят только неприятности. Может быть, удастся за время поездки в Москву пусть немного, но смягчить конфликт, хотя бы рассеять осложняющие его недоразумения, а жен-

ское чутье ей подсказывало, что недоразумения эти проистекают из-за бывшего соперничества двух мужчин.

«Как она простодушно верит, что сумеет одним махом помирить нас», — подумал Шерзод и припомнил недавний свой разговор об Аброре в министерстве, в кабинете одного начальника...

Бахрамову, как авторитетному эксперту, была дана целая куча предложений и объяснительных к ним записок, поступивших из института, который занимался проблемами градостроительства. Бумаги подписал директор института, но составлены они были, судя по характеру идей, в них излагаемых, Аброром Агзамовым. Во всяком случае, при его активном участии. В бумагах, например, постоянно проводилась мысль о необходимости для Ташкента открыть кафедру ландшафтной архитектуры. Аргументы напоминали статьи и выступления Аброра, знакомые Шерзоду. Поначалу он даже спросил себя, а не лучше ли будет поддержать Агзамова, поскорей ушел бы на эту кафедру, занялся бы теорией — все подальше от той области, в которой они уже сталкивались и столкнулись, как чувствовал Шерзод, еще не раз, и по-крупному. Но Шерзод Бахрамов рассудил, что данное решение было бы опрометчивым: Аброр Агзамов при его энергичности мог укрепиться и предстать не только основателем новой кафедры, но чуть ли не начинателем нового направления градостроительства, городского благоустройства. У Агзамова могут появиться последователи, и с удесятеренной силой он будет, конечно, нападать на то, что делает Бахрамов, в том числе на дорогую сердцу Шерзода идею бетонирования всех водных артерий Ташкента. Нет, надо опередить Аброра!

...Шерзод не без удовольствия припомнил и сейчас, сидя в мягком, удобном кресле самолета, как сумел тогда тонко и сдержанно, бесстрастным, ровным голосом доложить министерскому начальнику, что идея, конечно, неплохая, пометчать о подобной кафедре можно, но открывать ее еще преждевременно.

— Во-первых, сейчас всюду идет борьба за экономию, в частности за сокращение штатов, а тут сколько потребуется... км... зрителей и просто сторожей за ландшафтами. Во-вторых, сама ландшафтная архитектура как научная дисциплина только начала у нас формироваться. Даже в Московском архитектурном институте эту кафедру, вообще говоря, открыли совсем недавно.

— Но именно там Агзамов кончал аспирантуру и защищал кандидатскую,— возразил начальник.

— Да, отдельные специалисты в Москве есть, они-то и помогли ему.

— Но тут вот написано, что в Киеве работает такая кафедра. А в Болгарии и Чехословакии существуют целые факультеты по ландшафтной архитектуре.

— Что с того? В буржуазных странах есть даже специальные институты подобного профиля. Богатые миллионеры строят себе замысловатые виллы, разбивают сады на берегах океанов и морей или возле разных пиагар. Им как раз и нужно побольше ландшафтных архитекторов. А нам увлекаться этой роскошью...— Шерзод пожал плечами.

— Шерзод Исламович, когда-то, в двадцатые годы, галстук считался буржуазным пережитком. Вы-то не помните, но был и такой «классовый подход»... Мы сейчас с вами едим на собственных машинах, а в довоенное время это тоже многие считали непозволительной роскошью... Жизнь учит отличать ненужное от неосуществимого в данный момент, а преждевременное — от становящегося необходимостью.

Шерзод почти весело хохотнул тогда, как бы признавая свое поражение в споре, касающемся столь высоких материй.

— Вы правы, вы правы... Ландшафтная архитектура должна служить нашему трудовому народу. Это искусство мы не должны отдать на откуп капиталистам. Это и наше перспективное искусство! Вот почему я от души поздравил Агзамова, когда он защитил диссертацию.

— А вы его хорошо знаете?

— Как же, пять лет учились вместе.

— Он перспективный работник?

— Мы однокашники, я должен защищать его и поддерживать.

Если ты хочешь напасть на кого-то, сделай вид, что вроде защищаешь и поддерживаешь его,— маневр старый, проверенный, дающий потом преимущество в сражении. Шерзод так убедительно произнес последнюю фразу, что начальник попался на крючок.

— Я не имею в виду ваши приятельские отношения, но... Агзамов человек... нуждающийся в защите? От кого, от чего его защищать?

— Он очень способный, но, вообще говоря, с загибами...

— В какую сторону?

— В сторону национальной ограниченности... абсолютизации национальных традиций... Скользкие интерпретации, понимаете?

— Значит, вы и в этом защищаете его...

— От него самого... Приходится критиковать. По-товарищески, но... В идейных вопросах на компромисс я не иду.

Такой ответ явно тогда понравился собеседнику Шерзод. Начальник задумался, начал листать-перелистывать присланные бумаги.

— Так. Значит, по ландшафтной архитектуре у нас один специалист... этот самый Агзамов... И такой специалист, что... Один в поле не воин, а?

— Потому я решился сказать, что пока мы только можем мечтать и о настоящей нашей ландшафтной архитектуре, и о соответствующей кафедре. Сейчас открыть такую кафедру мы не готовы.

— Ну вот что: набросайте-ка мне вкратце ваши аргументы, чтобы я мог доложить дело министру.

Шерзод заколебался: доверительный разговор с глазу на глаз и письменное заключение эксперта, которое будут читать многие, в том числе, возможно, и сторонники идеи Аброра... Разница, черт возьми, существенная.

Теперь-то, в аэрофлотовском кресле, он улыбнулся умиротворенно, припомнив свой встревоженный вопрос тому начальнику:

— За своей подписью?

Начальник понимающе усмехнулся:

— Да нет, без подписи. Для моего... для внутреннего пользования.

И Шерзод изложил свои аргументы в «служебной шпаргалке», без подписи; да он при этом чувствовал неприятную тяжесть на душе, но постарался успокоить себя: пройдет, пройдет, как проходит тяжесть похмелья. И тяжесть легко и быстро оставила его; мало того, душа настроилась на мажорный лад, будто он выиграл еще одну шахматную партию у Агзамова. Да, да, Шерзод сумел лишить подвижности фигуры Аброра. Ищи не ищи выход, бейся даже головой об стенку, а кафедре ландшафтной архитектуры мат, неизбежный и неотвратимый...

Ах, Вазира, милая Вазира,— Шерзод повернулся в кресле, поймал вопрошающий взгляд Вазиры,— наивная, милая женщина, которая рассчитывает на свою былую власть над ним, Шерзодом, на власть своей поблекшей, хотя, не будем

скрывать, еще вовсе не увядшей красоты... Вазира все еще верит, что одними разговорами сможет помирить его с Аброром. Ну пусть, пусть верит, ему нравится наивность таких симпатичных женщин...

После долгой паузы Шерзод ответил Вазире, что разговоры о кафедре, которую пробивал Аброр, шли повсюду — на факультете и в министерстве; вполне допустимо, конечно, предположить, что об интригах Аброра ему, Шерзоду, умышленно нагнали.

— Вы ведь читали его книгу? — спросила Вазира с надеждой перетянуть Шерзода на свою сторону.

— Да, читал! — как бы поддаваясь ей, ответил Шерзод.

— Ну, припомните, Шерзод, о каких краях там идет речь?

О каких? Да о многих. Об орошаемых землях Казахстана и Украины, Туркменистана и Ставропольщины.

Шерзод перечислил.

А Вазира добавила, что Аброр не раз ездил по этим землям, изучал постановку проблем ирригации, Вазира была на защите в Московском архитектурном институте, ученые говорили тогда о всесоюзном значении работы Агзамова.

— Разве национальная ограниченность в этом, Шерзод? — спросила вдруг неожиданно резко Вазира.

— Я с вами не спорю, хапум, относительно успеха вашего супруга в Москве, но в Ташкенте, вообще говоря, он уж очень цепляется за старые традиции.

Аброр требует сохранить зеленые берега старых арыков, он был бы прав лет эдак пятьдесят назад. Тогда почти не было водопроводов, да и многоэтажных домов... сколько их было? Люди пили из арыков воду и потому содержали их в чистоте. «Осквернить арык — все равно что осквернить отчий дом или скатерть-дастархан», — такое убеждение не случайно, конечно, возникло. Арыки аккуратно чистили вручную. Сколько труда на это уходило! А сейчас всюду канализация, вода в трубах, и о чистоте арыков мало кто думает. Бросают туда всякий мусор, отбросы. Чистить их некогда и некому. Экономия общественного труда предполагает сокращение профессий, основанных на ручном труде, разве не так? Арыки стали... рассадниками антисанитарии, и только! Зачем же теперь цепляться за них? Потому он, Шерзод, и ратует за то, чтобы прежние арыки повсюду замепить бетонными водоводами.

Вазира видела такие лотки в Голодной степи. Они там

действительно экономят воду, облегчают труд. Их там не хватает, за ними охотятся. Но в Ташкенте в каждом новом дворе сколько лишних бетонных лотков установлено! Бетон, бетон... Экономика, урбанизация... Но бетон ведь — он тоже дорогой! Его не хватает. Особенно велика нужда в бетоне у метростроителей Ташкента. А тут масса бетонных лотков без воды, потому что старая, еще махаллинская, арычная сеть разрушена, а новая не налажена. Вокруг бетона ничего не растет. А по обеим сторонам арыка всегда трава, цветы, тутовник. А потому и воздух возле арыка чище... Аброр говорит, что арыки — это своего рода корни, пущенные человеком в землю, великий дар матушки-природы.

— Как вы, оказывается, красноречивы, милая собеседница ханум! Ваш муж мне тоже говорил об арыках с таким жаром, будто Леонид Леонов — о русском лесе, — полусутоливо уколол Шерзод.

— Конечно, аналогия немного смешна, масштабы несоизмеримы. Но есть же и точка соприкосновения, Шерзод. Ведь и в романе Леонова бездушные люди почему зря губят живой лес и оправдываются нуждами технического прогресса. А мы губим живые берега тысяч арыков и тоже объясняем: это, мол, необходимо для НТР, для современной урбанизации!

— Помилуйте, Вазира, да разве я против сохранения живой природы? Но будем же реалистами. Какое там сохранение природы в современном городе с двухмиллионным населением? Кругом столько машин, столько асфальта, стали, стекла!

— Сказать вам начистоту? Я тоже спорю с Аброром, мне тоже кажется, что природа в таком городе, как Ташкент, должна потесниться. Не исчезнуть, я против этого, но — неизбежно потесниться. Но Аброр не согласен и со мной. У него много аргументов.

— Да какие там аргументы?! — воскликнул Шерзод с азартом, показывающим, что он готов их тут же опровергнуть.

— Главный — вода. Ее-то оказалось вдоволь не только в каналах и арыках самого Ташкента, но и за пределами города.

— Ну и что?

— Как что? Значит, наш зной можно победить. Жарким летом в прошлом году из Прибалтики приехали гости: уж

не помню, какой семинар проходил. Я их сопровождала. В сорок — сорок пять жары наш фонтан-водопад на площади Ленина просто спасал балтийцев. Объявится свободный час, они сразу мне говорят: «Пойдемте в тень Ниагары», — так они окрестили наш фонтан.

— Вон как, Ниагара в центре Ташкента!.. А тень откуда?

Как всякий пылешный ташкентец, он знал мраморную дорожку, проложенную мостиком через бассейн, в который падают с восьмиметровой высоты каскады воды.

И Вазира и Шерзод невольно поежились, будто сейчас их лиц коснулась прохладная водяная пыль фонтана с искринками всех цветов радуги.

— Вы проходили по этой дорожке, Шерзод, и не заметили тени? Не поверю. Припомните-ка: люди с наслаждением идут в ласковых водяных брызгах, стараются не паступить ногой на трепещущие тени струй. Веселые брызги так ластятся к тебе, что не хочешь, а засмеешься. Даже усталый, хмурый человек невольно улыбнется на этой тенистой дорожке у фонтана. Вот это и есть живая природа в центре большого города.

Даже в манере Вазиры говорить Шерзоду почудился Абдор.

— Ну, ханум совсем подпала под влияние своего отставшего от жизни мужа. Я удивлен, Вазира, куда девалась ваша недавняя независимость?

— А если муж прав? Вы-то наверняка знаете историю этого фонтана...

Шерзод поморщился — ему было неприятно вспоминать, как тогда, семь лет назад, азартно возражал он против идеи воздвигнуть в центре города фонтан-водопад. То было в год землетрясения. Неотложные дела обступали со всех сторон. Но люди хотели видеть центр своего города величественным и красочным.

Шерзод ломал голову над тем, как разместить под площадью Ленина мощные кондиционеры, которые были бы способны поддерживать в пределах нормы температуру и влажность в двух громадных административных зданиях. Эти здания и должны были, по мысли проектировщиков, задать будущей площади величественную масштабность.

Кондиционеры нуждались в большом количестве воды; ее сперва думали гнать по трубопроводу из канала Бозсу, но

потом прозрачно-голубую воду обпаружили тут же, неподалеку, на глубине, и решили использовать подземный поток.

А другую задачу — придать площади красочность, колоритность — надеялись решить соответствующей увязкой бассейна, в который будет поступать вода, и сети кондиционеров с рельефом местности. Шерзод предложил легкое и, как он подчеркивал, экономичное решение: укрепить откос дерном, засадить елями, установить красивые современные плафонные осветители. В первые проекты реконструкции площади этот вариант и заложили.

Однако идея эта не удовлетворила других архитекторов. Особенно Аброра. Неужели нельзя, спрашивал он, использовать воду и перепад уровней более оригинально и более эффективно, чем построение простой зеленой горки? Аброру первому и пришла в голову мысль заставить поднятую из-под земли воду ниспадать в соответствии с уступами рельефа.

Однажды поутру, после очередной бессонной ночи Аброра за чертежным столом, Вазира увидела на ватмане черновые эскизы будущего фонтана-водопада. Он еще не виделся Аброру столь внушительным и красочным, как вышло на деле, — фантазии недоставало размаха и дерзости. Казалось, вполне можно довольствоваться ниспадающей по центральной части откоса лентой воды в пятнадцать — двадцать метров шириной. Но идея смело развили коллеги...

Шерзод подыскивал наиболее удобное для себя продолжение диспута с Вазирой (опасный, обоюдоострый он получался, вообще-то говоря, и совсем не наивной оппоненткой оказывалась привлекательная Вазира...).

— Ваш муж оказался тогда правым потому, что природу не противопоставил технике, а, наоборот, нашел путь к разумному единству.

Вазира облегченно вздохнула: если ей не под силу примирить Шерзода с Аброром, то положить конец ненужному, по ее мнению, ожесточению в их борьбе она, может быть, и сумеет.

Самолет вздрогнул. Солнце скрылось куда-то, за окном бело-серыми горизонталями проносились разрезаемые крылом облака. Снова трянуло. Из сетки над головой показался край готового вот-вот свалиться черного футляра. Шерзод приподнялся, понадежней уложил футляр на полке, сел поудобней в кресло.

— Если не секрет... что это за проэкт в футляре?

— От вас секретов нет. Только сначала хотелось бы услышать ответ на мой вопрос, хорошо?

— Пожалуйста!

— От кого вы узнали, что я лечу этим рейсом?

— Вчера я по делам заходил в ваше управление... Кстати, нас там не нашел.

— Я уже ушла домой собираться в дорогу.

— Мне это и сказали. Так я узнал ваш рейс.

— А вам не сказали, по какому именно делу я лечу в Москву?

— Нет. Управление хранит «военную тайну». Но я сам догадываюсь: интерьеры метро?

— Вы и вправду догадливы... Метро для нас дело новое. Опыта нет. Вот и приходится частенько ездить в Москву за советами и консультациями.

— Я думаю, придется метростроевцам и с нами дела иметь.

— Что вы имеете в виду?

— А разве не предстоит проводить метротоннель под каналом Бозсу?

— Да, это очень сложная проблема.

— В Москве у меня есть знакомый, он тоже проектировал метро. Павел Данилович Катинов, знаете, наверное?

— Слышала про одного Катинова, который прокладывал тоннель под Москвой-рекой.

— Он и есть... Павел Данилович о проблемах тоннелестроения и рассказывал. Мы с ним вместе в Японию ездили. В одном номере там жили и подружились. Он и телефон свой домашний дал. Если вам нужны советы такого специалиста — и к вашим услугам.

— Спасибо... возможно, я ими воспользуюсь... А в Японии вы давно были? — оживилась Вазира.

— В семидесятом.

— В Осаке? На Всемирной выставке был показан макет нашего нового Ташкента.

— Ну, как же! В Осаке под макет Ташкента целый зал отвели.

— Неплохо выглядел? Мне тогда самой в Осаку поехать не удалось. Но материалы макета я собирала. А изготовили макет ленинградцы. Из полистирола. Очень красивый... В тот год я не раз в Ленинград в командировки летала. Как сейчас в Москву.

— Не зря летали. Макет Ташкента в советском павильо-

не пользовался большим, очень большим успехом, весь день посетителей полон зал. Гостиница «Ташкент», театр Навои, площадь Ленина, двадцатиэтажные здания — все как на ладони. И все это на фоне оригинальной подсветки снаружи и внутри. И конечно, в зале звучала наша певучая восточная мелодия. Когда вдали от родины видишь и слышишь подобное, охватывает такое чувство гордости, что... словами трудно выразить. Верите мне, Вазира?

— Да, я верю. Шутка ли сказать — макет нашей столицы на Всемирной выставке. На Всемирной...

— Уж кто-кто, а японцы знают, что такое землетрясение. Учитывая это, примерно и делали макет. Минуту-другую посетители осматривают нынешний центр Ташкента. Потом вдруг макет переворачивается, и перед глазами то же место города, но до землетрясения. Помните? Неказистые приземистые домишки на берегу Анхора. Старая улица Лахути и так называемая Кашгарка. Сырцовый кирпич кругом. Тесные улочки. А вот и разрушенные землетрясением старые дома. И стены в трещинах... Так минуту-другую держат панораму прежнего Ташкента, а потом макет снова медленно переворачивается — опять предстает обновленный город. Вообще говоря, Ташкент давно нуждался в перестройке — землетрясение ее ускорило.

Вазира усмехнулась:

— Поняла. Ответ полный и правильный.

Шерзод сам ощутил излишне поучительный топ своего рассказа. Усмехнувшись, спросил:

— Может быть, будет еще и дополнительный вопрос, учительница-ханум?

— Значит, твердую пятерку захотелось? Ну что ж, тогда вот... Говорят, женщины в Японии очень красивые. Кто там побывал, любовались. Ваша точка зрения?

— Японки, вообще говоря, очень красивые, это верно, и слава о них, примерно, не зря идет. Но на мой вкус... ташкентски красивее!

Вазира невольно зарделась. Подосадовала на себя, но ответила по-былому, по-студенчески, задорно и шаловливо:

— Садись, Ахметка, — пять отметка!

Оба засмеялись.

И время полетело легко и незаметно, в шутливой непринужденности, в спокойствии аэрофлотовского уюта, а для Шерзода еще и в ожидании чего-то приятного впереди, в Москве.

Поднимая все выше правое крыло, самолет стал делать новый разворот. Солнечный луч скользнул по груди Вазиры, подержался на лице.

— О, да здесь, смотрите-ка, Шерзод, совсем ясное небо! — воскликнула женщина, радуясь тому спокойному и доброму, чем была полна ее душа.

— Да, а вон и леса чернеют!

Над дверью в салон вспыхнула надпись по-русски и по-английски: «Не курить! Пристегнуть ремни!»

Шерзод взглянул на часы:

— А быстро мы долетели!

«Все-таки очаровательная женщина, эта Вазира. И была, и осталась о-ча-ро-ва-тель-ной!» — произнес он про себя, медленно, раздельно, по слогам, словно продлевая удовольствие, получаемое от такой оценки.

Концы серых брезентовых ремней свешивались по обе стороны кресел. Нагнувшись вправо, чтобы достать свой ремень, Вазира непроизвольно оперлась на руку Шерзода, согнутую в локте.

— Я вам помогу...

— Спасибо, я сама.

Уши у Вазиры заложило, в глазах чуть потемнело. Она плохо переносила посадку. Поудобнее устроилась в кресле, запрокинула голову, закрыла глаза. Постаралась сидеть не шевелясь.

Шерзод, чуть наклонившись над соседним креслом, любовался красивой шеей Вазиры, ее высокой грудью. Через иллюминатор было видно Подмосковье.

— Здесь все еще весна. И зелень такая свежая... Все-таки хорошо жить в прохладном климате... Вазира, вы в какой гостинице собираетесь остановиться?

— В «России».

Шерзод обрадовался:

— И нам в «России» места заказаны! По телефону сказали. Значит, втроем в одном такси поедem.

Вазира открыла глаза, увидела близко от себя улыбающегося Шерзода, постаралась выпрямиться... Откинулась смущенно.

— Приземлимся сначала.

И смущение ее показалось Шерзоду очаровательным. Москва, гостиница «Россия», предстоящие «командировочные» дни — все обещало быть мажорно приподнятым и увлекательно приятным.

озсу — недаром так называли эту речку. Она издавна орошала целинные земли, поэтому и называли «целинная вода». А еще слово «боз» означает — белая чистая ткань. Вода в речке и впрямь такая. Только когда весной дожди зарядят, мутнеет ее вода, а в иные месяцы чистая, прозрачная течет речка, словно гладкое белесое полотно стелется.

Аброр вырос на берегу Бозсу, сизмалства плескался в ее легких нестрашных волпах; на его памяти, у речки появилось другое имя — Анхор, канал Анхор. Во многих документах и по сей день река Бозсу, протекающая через центр Ташкента, именуется Анхором. Однако это все та же речка!..

Стол окружен сотрудниками архитектурной мастерской, которой руководит Аброр. На чертежном столе Аброра лежит план, выполненный в цвете.

Бозсу голубой ленточкой змеится, петляет, огибает ташкентские холмы свободно и красиво.

Аброр неотрывно смотрит на план, над которым просиживал дни и ночи, и с тревогой думает: поймут ли его коллеги?

— Аброр Агзамович, Бозсу считается старинным каналом. А у вас тут настоящая своеправная река.

Первая реплика обнадеживает. Аброр отвечает:

— Так строили в старину, тысячу лет назад. У ташкентцев не было тогда техники, вроде современной, они слушали подсказки ландшафта.

— Неужели у Бозсу тысячелетний возраст? — Недоверчивая Лена пожимает плечами, лицо, в милых веснушках недоумевает.

— Если не больше, Леночка. Ташкенту две тысячи лет. А ведь никакое поселение в наших природных условиях не может существовать без орошения, стало быть, без арыков, без каналов.

Другой сотрудник, Карим Махкамов, лысеющий полный человек лет сорока (в мастерской его звали в глаза и за глаза Эрудитом), добавил:

— Я где-то читал, что самыми древними каналами Ташкента были Салар и Джун. Не Бозсу.

Аброр поддержал Эрудита. Да, древний Ташкент, знаме-

нитый Шаш, зародился на берегу канала Джун. Сейчас это место находится в южной части города, неподалеку от аэропорта, называется Шаш, а в народе говорят Таштепе¹. Когда Шаш разрушили кочевники, город передвинулся на пять-шесть километров от старого места к северо-востоку, на берег канала Салар. И стал называться Мингурюк — то есть «тысяча урючин». Сейчас это место — вблизи Музея искусства Ташкента, где швейная фабрика «Заря Востока». Однако этому Мингурюку не суждена была долгая жизнь — в седьмом веке он оказал отчаянное сопротивление арабам, но военачальник халифата Кутайба все-таки сжег его дотла, после чего центр древнего Ташкента ушел еще на несколько километров к северу и возродился под названием Бинакет, — это там, где ныне находятся медресе Кукельдаш, цирк и театр «Ёш гвардия»².

Рассказывая, Аброр вел незачиненным карандашом по глубокой ленте реки на плане. Приглашал сотрудников обратить особое внимание на умело проложенное русло Бозсу древними мастерами. О да, они знали особенности своей земли, знали свои холмы и взгорья, они как бы и не препятствовали естественному, природному течению реки, лишь направляли его, совершенствуя перукотворное рукотворным — чуть расширив, или чуть углубив, или песколькo спрямив речное русло. С ювелирной точностью учитывали они и угол наклона, и скорость течения, и характер дна под водным потоком, находя соответствие меж подводными пластами земли, каменистыми, твердыми, и неровностями рельефа, создавая умеренное течение, которое сохранялось веками. Если бы канал был прорыт с большим, чем надо, наклоном, течение за сотни лет превратило бы русло в глубокий овраг, в каньон. Бозсу берет начало от порывистых горных речек Угам и Коксув, а по центру Ташкента и поныне течет так выверенно спокойно, что можно с берега зачерпнуть воду в пригоршню. Чудесна эта близость Бозсу к человеку, древний канал-река — будто прирученный олень.

— Но за парком Победы или поуже, в Бурджаре, оврагов хватает, — вновь возразил Аброру Карим Махкамов. Он не только эрудит, но к тому же и дальний родственник директора проектного института, в подчинении которого находилась их мастерская.

¹ Т а ш — камень, т е п е — возвышенность.

² «Молодая гвардия».

— Карим-ака,— мягко заметил Аброр,— мы сейчас говорим о той части Бозсу, которая протекает по центру города. Красиво, не так ли?

— Тут в двух местах Анхор слишком уж петляет, не так ли?

— Но в этом естественном изгибе и есть своя красота. Это как раз и делает канал рекой... Мы же ландшафтной архитектурой с вами занимаемся... Такой рисунок богаче, интересней, чем прямая линия.

— А сколько лишней площади съедят у нас эти петли? В центре города каждый квадратный метр на особом учете.

— По-вашему, русло надо спрямить?

— Ну, не мне такие вопросы решать, есть более компетентные люди.

— Но мы ведь с вами творческие люди, наше мнение — мнение специалистов, с нас и спрос особый.

— Не знаю, не знаю... Общую идею этого вашего плана, Аброр Агзамович, не улавливаю.

— Общая идея? Бозсу — это памятник древней культуры, искусства, если хотите. Он создан умом и руками народа, и его пужно беречь, как берегут памятники архитектуры в Самарканде и Бухаре. Когда в Ташкент приезжают туристы и просят показать его исторические места, их везут в старый город, показывают древние усыпальницы, медресе Кукельдаш. Кто спорит, все это — произведения, достойные памяти потомков. Но почему не вспомнить, что есть еще один, тысячелетний памятник — канал Бозсу? Может, потому и не вспоминаем, что Бозсу до сих пор живет и работает? Но вдвойне славно создание народное, раз оно живет тысячу лет и все еще трудится в полную силу... Верно, берега канала во многих местах надо ремонтировать. И русло кое-где подковать, укрепить. Но не спрямлять! Не вольничать по своему!

Карим Махкамов иронически засмеялся.

— А вы знаете, я где-то читал, что в прошлом веке Бозсу обрамляли такие густые заросли, такое дикое буйство парило здесь, что тигры прижились. Да, да, тигры в Ташкенте, ну, около Ташкента. Об этом писали очевидцы. Вы как, Аброр-ака, не хотели бы восстановить те непроходимые заросли вместе с тиграми?

— Было бы неплохо, Карим-ака! Вы никогда не читали о том, что тигры — гордость леса — благодаря заботе чело-

нека вновь стали обживать уссурийскую тайгу? Неподалеку от больших городов, представьте себе!.. Жаль, что в прошлом веке ташкентцы не завели Красную книгу.

Коллеги посмеялись. Правда, Карим Махкамов тут же и нахмурился, отошел к чертежному «комбайну», развернутому вдоль одной из стен мастерской.

Скептицизм Эрудита настораживал Аброра. Чувствовалось, что какая-то невидимая, но крепкая нить связывала лысеющего толстяка с Шерзодом Бахрамовым. Да и почему невидимая? Аброр знал, что Махкамовы и Бахрамовы дружат семьями. Карим Махкамов женат на старшей сестре директора института Сайфуллы Рахманова и, таким образом, превратился в связующее звено между Рахмановым и Бахрамовым. Когда Шерзод добивался выдвижения своей кандидатуры на премию, Карим, разумеется, способствовал этому. И все они торжествовали, когда добились успеха.

Изо дня в день работать в одной комнате с человеком, который каждое твое слово мог преподнести директору в прератном свете и каждый творческий замысел, тот, что пока еще держится тобой в секрете, выдать сопернику, Бахрамову, — это ли не наказание аллаха? Вот и сейчас Махкамов недовольным своим видом показывал, что Аброр проводит время за пустыми разговорчиками, а между тем дирекция нас всех обязала... дала срочное задание...

И впрямь — в ближайшее время мастерская должна была представить рабочие чертежи нового скверика в центре города.

Осторожно свернув план-проект Бозсу, Аброр подал всем знак — разговор, мол, закончен...

Так... Вот они, чертежи скверика... Просто, ясно. И скучно. Что бы тут придумать все-таки?

Аброр взял лист белой бумаги, обозначил легкими параллельными штрихами шумную городскую магистраль — она шла вдоль предполагаемого сквера. «Ну хорошо, расположим по периметру скверика дубы, чинары, клены...» Символические знаки Аброр набрасывал быстрыми, четкими, натренированными движениями, будто обычные буквы при письме. Причем в контурах каждого знака сразу угадывалось, чинара это, или плакучая ива, или клен. Пусть будет больше деревьев, пусть они скроют серую скуку асфальта! Но сопоставим высоту чинар и ширину площади в центре сквера... Аброр рассмеялся: мда, увлекся любитель живой природы, при эта-

ком замысле площадь могла оказаться со временем полностью затепленной пыльными кропами.

Аброр решительно пересекнул набросок, взял еще один чистый лист. Но на столе зазвенел-загремел телефон. Внутренний, с трехзначным номером. Аброр снял трубку, готовый сердито выговорить тому, кто мешал ему сосредоточиться.

— Алло!.. Аброр Агзамович! — раздался в трубке знакомый басовитый голос.

Говорил директор института. Аброр непроизвольно прижал трубку плотней к уху.

— Я слушаю вас, Сайфулла Рахманович.

— Не могли бы вы на минутку зайти ко мне?

— Сейчас?

— Да... Если вы не очень заняты.

Обычно, когда дело не было очень важным и потому срочным, директор вызывал нужного сотрудника через своего секретаря, из приемной. Сам звонил редко.

— Я и сам думал зайти к вам, Сайфулла Рахманович. Иду.

Сотрудники слышали имя-отчество директора, произнесенное Аброром. Каждый подумал о проекте реставрации Бозсу, тем более что Аброр взял с собой именно этот свернутый в трубку план. У Лены все милые веснушки вспыхнули, когда она вдогонку Аброру пожелала совсем по-студенчески:

— Ни пуха ни пера, Аброр Агзамович!..

Кабинет директора находился на пятом этаже. Аброр неторопливо поднимался вверх по мраморной лестнице со своего третьего. В приемной ждали очереди четверо.

— Проходите! Вас ждут, — Тамара, девушка-секретарь, кивнула Аброру на дверь.

Сайфулла Рахманович легким наклоном головы ответил Аброру на приветствие, жестом указал ему на свободное кресло. В другом уже сидела миловидная женщина средних лет — заведующая одним из институтских отделов.

— Продолжайте, продолжайте, товарищ Ильхамова...

— Я с терпением ждала вашего возвращения из командировки, Сайфулла Рахманович. Путевка в Кисловодск... Я уже и билеты купила. И вот пришла к вам с просьбой об

опуске... Графика он не нарушает, всего на три дня раньше. Заявление я принесла.

— Оставьте. Подумаем.

Ильхамова явно стеснялась в присутствии Аброра говорить о личном деле, но все-таки решилась:

— Сайфулла Рахманович, времени-то у меня в обрез осталось... Через три дня улетать нужно... Пожалуйста... Если вы сейчас подпишете...

— Зайдите потом, — сдержанно, не повысив голоса, прервал ее директор.

— Завтра?

— После выходного.

Женщина покраснела от волнения.

— В понедельник?.. Но мне в воскресенье уже улетать надо, Сайфулла Рахманович! У меня билеты на руках...

По чем больше беспокойства проявляла Ильхамова, тем сдержанней, невозмутимей становился Сайфулла Рахманович.

— Билеты сдадите. Мы с вами прежде всего обязаны государственное задание выполнить, — проговорил он глухо. — Зайдите в понедельник...

Видно, Сайфулла Рахманович для того и пригласил к себе в кабинет Аброра, чтобы поскорей закончить неприятный разговор с Ильхамовой, которая, поняв, что дальнейшее препирательство бесполезно, упавшим голосом попрощалась с директором и вышла из кабинета.

После ее ухода Сайфулла Рахманович какое-то время молчал. Наклонил голову, будто рассматривая что-то перед собой на столе. Копна его волос густо выбелена сединой, хотя директору нет еще и сорока пяти. Из-под упавшей на лоб седой пряди особенно заметно выделялась чернота бровей. Карие глаза чуть притухшие, лицо гладкое, но сероватое. Какое-то нездоровое. «Наверное, болеет, но скрывает», — подумал Аброр.

— Как с проектом сквера? — спросил вдруг директор.

— Дня через три-четыре сдадим.

— И то ладно... Развелось, знаете ли, слишком много работничков, которые все больше о себе думают, о том, как бы отдохнуть получше, — неожиданно директор дал вырваться своему раздражению. — У вас в мастерской не так, слава аллаху.

Покосился на свернутый в трубку лист ватмана, который Аброр держал обеими руками, будто новорожденного.